

Тао Хуайнань всё ещё держал губы вытянутыми, когда Чи Ку отпустил его руку. Он даже придвинулся ближе, легонько коснувшись губами шеи Чи Ку.

Это было похоже на способ ребёнка выразить свою любовь и удовлетворение, настолько радостный, что хочется поцеловать. Это было самое чистое, самое искреннее.

Перед сном на кровати символически лежало два одеяла. Мальчики в таком возрасте спят беспокойно, и чтобы они не мёрзли ночью, их укрывали отдельно. Утром же оба ребёнка оказались плотно завернутыми в одно одеяло, а второе свернулось в рулон у стены. Не говоря уже об одеяле, даже старое одеяло Тао Хуайнаня было выброшено из постели и смято в углу.

Тао Сяодун заглянул в комнату. Тао Хуайнань спал, свернувшись калачиком, половина его лица была спрятана под одеялом, виднелась только макушка. Чи Ку выставил одну руку из-под одеяла, положив её на Тао Хуайнаня, как будто обнимая его.

Тао Сяодун ушёл рано, не разбудив их. Утром ему нужно было сходить в юридическую контору, он договорился об этом накануне.

После возвращения Чи Ку Тао Хуайнань спал настолько спокойно, что каждая клеточка его тела чувствовала себя в безопасности. Как бы он ни вертелся, он всегда оставался рядом с Чи Ку, и эта уверенность позволяла ему крепко спать всю ночь, даже не видя снов.

Чи Ку проснулся раньше. Время, проведённое вдали, заставляло его быть всегда начеку, нервы постоянно были напряжены, поэтому ему было трудно спать крепко. Тао Хуайнань прижимался к нему, его пижама была мягкой и тёплой. В какой-то момент он перевернулся, и пижама скрутилась, обнажив часть живота.

Зимняя пижама была толстой, и так она была неудобной, кололась. Тао Хуайнань спал беспокойно, слегка хмурясь и постанывая. Его тело двигалось по кровати, но не могло снять одежду.

Чи Ку протянул руку, чтобы поправить пижаму, но Тао Хуайнань лежал на боку, и он не мог её вытянуть. Чи Ку легонько прижал его к себе, и Тао Хуайнань во сне промычал, пока Чи Ку поправлял одежду. Когда пижама была расправлена, Тао Хуайнань с облегчением вздохнул, и Чи Ку вернул его в прежнее положение.

Тао Хуайнань во сне был как поросёнок, его невозможно было разбудить. Чи Ку протянул руку и провёл указательным пальцем по линии его подбородка.

Дети растут быстро. Оглядываясь назад, кажется, что время пролетело как в ускоренной съёмке, и непонятно, как они уже стали такими большими.

Они пошли в школу поздно. Даже несмотря на то что в начальной школе они перепрыгнули класс, Чи Ку всё равно был старше своих одноклассников. Вокруг были дети тринадцати-четырнадцати лет, а Чи Ку было уже пятнадцать. Если бы он пошёл в школу в шесть лет, то уже должен был бы быть в девятом классе. Кроме того, он с детства был умным и зрелым, и его подход к вещам и рассудительность были на уровне, недоступном для обычного подростка.

Он не рассказывал Тао Хуайнаню, как вернулся, намеренно скрывая это.

Если бы Тао Хуайнань узнал, он бы точно заплакал, а Чи Ку не любил, когда он плачет. Красивый ребёнок должен улыбаться, глупо улыбаться или хитромордо улыбаться, но не плакать. Плач делает его некрасивым.

За время, проведённое вдаль, Чи Ку много раз подвергался избиениям, и он четыре раза вызывал полицию.

Полиция не любит вмешиваться в дела, где отец бьёт сына, особенно в отдалённых сельских районах. В традиционных представлениях это естественно: если ребёнок непослушный, его нужно наказать.

Телефон Чи Ку тоже был сломан. Каждый раз, когда Чи Чжидэ бил его, Чи Ку ставил телефон на полку и записывал, но в итоге телефон был разбит. Но это не помогло, Чи Ку сделал несколько копий.

Последний раз был самым жестоким. Чи Ку постоянно провоцировал его, провоцируя пьяного, который был в ярости. В итоге его избили до крови, бабушка назвала его сумасшедшим, сказала, что Чи Чжидэ и он оба сумасшедшие. Бабушка не хотела, чтобы Чи Ку возвращался, она привыкла к спокойной жизни за эти годы. Старушка уже была в маразме, и она считала, что все беспокойства связаны с возвращением Чи Ку и Чи Чжидэ.

Чи Ку был избит так, что не мог подняться с пола, старуха смотрела на это мутными глазами. Чи Чжидэ ушёл, Чи Ку лежал на холодном цементном полу зимой полчаса, прежде чем смог немного прийти в себя. Он сел, сгорбившись, кашлял несколько минут, выплёвывая кровь, затем опёрся на пол и поднялся, сам пошёл в больницу, чтобы зафиксировать травмы, и вызвал полицию.

Множественные ушибы мягких тканей, разрыв бронхов, лёгкое сотрясение мозга.

Чи Ку держал в руках заключение о травмах и не отступал. После этого Чи Чжидэ был арестован на пятнадцать дней, а Чи Ку госпитализирован. Больничные расходы оплатил полицейский участок, ожидая, пока Чи Чжидэ выйдет из-под ареста и вернёт деньги.

Чи Ку вернулся только тогда, когда почти выздоровел и перестал кашлять кровью, иначе он бы напугал слепого мальчика, кашляя кровью каждый день. Хорошо, что Тао Хуайнань был слепым, иначе он сразу бы увидел огромные синяки на теле Чи Ку, когда тот переодевался.

Тао Хуайнань не знал об этом, но Тао Сяодун знал. Именно поэтому Тао Сяодун так разозлился, когда Чи Ку схватил стул в драке. Его злость копилась с тех пор, как Чи Ку намеренно подвергал себя избиениям. Чи Ку был слишком безрассудным в этом, он добивался только того, что считал нужным, и не думал о последствиях для себя, и это было неправильно.

Тао Сяодун должен был вмешаться, иначе это могло закончиться плохо.

Четыре вызова полиции Чи Ку, заключение о травмах и видео с избиениями — с этими доказательствами, даже если нельзя было посадить Чи Чжидэ на год или два, можно было выиграть суд и получить опеку над ребёнком.

Тао Сяодун и Чи Ку были фактически в отношениях опекуна и подопечного. По идее, выиграть такой суд было бы легко, проблема была в том, что Тао Сяодун не соответствовал требованиям для опекуна. Ему не было тридцати пяти, и он не был женат, поэтому полностью оформить опеку над Чи Ку было сложно.

Но это были мелочи. Если нельзя было напрямую передать опеку Тао Сяодуну, можно было пройти процедуру через детский дом, а затем попросить Большого Хуана и его жену усыновить его младшего брата.

Такой подход Чи Ку был самым удобным для Тао Сяодуна, это навсегда прекратило бы связь с Чи Чжидэ и дало бы Тао Сяодуну полную уверенность.

Но Тао Сяодун искренне не нуждался в таком удобстве. Сейчас Чи Ку мог избегать Чи Чжидэ, тот был пьяницей с повреждённым мозгом, и Чи Ку мог его обыграть. Если бы Чи Ку захотел убежать, Чи Чжидэ бы его не догнал, поэтому Тао Сяодун не сразу забрал Чи Ку обратно. Если бы он знал, что Чи Ку вернулся с таким планом, он бы не позволил ему так поступить. Чи Ку было уже пятнадцать, до восемнадцати оставалось всего три года. Даже если Чи Чжидэ будет приходить и устраивать сцены, можно было бы откупиться и дотянуть до этого времени.

Ради удобства позволить Чи Ку так избиваться, для Тао Сяодуна это было действительно не стоит. Чи Ку не ценил себя, готов был на всё ради своей цели, и это пугало Тао Сяодуна, и он был по-настоящему зол.

Поэтому в последнее время Тао Сяодун почти не разговаривал с ним, впервые за эти годы.

Школьное наказание было вынесено только через три дня. Обе стороны получили предупреждение с условием исключения. Это было лёгкое наказание, звучало серьёзно, но на самом деле, если больше не будет нарушений, всё будет в порядке, и исключения не произойдёт. Школа хотела уладить дело, никто не мог определить, кто был более виновен, и пришлось вынести одинаковое наказание.

Братья снова продолжили учиться. Все юридические вопросы взял на себя Тао Сяодун, Чи Ку в этом не участвовал.

После возвращения Чи Ку стал настоящей знаменитостью. Его действия с табуреткой и его состояние в тот момент произвели большое впечатление на учеников средней школы.

Во время драки многие мальчики из класса помогали, староста и задние парты были в первых рядах, все участвовали. Они были из одного класса, и независимо от того, общались ли они обычно или нет, мальчики не могли просто стоять и смотреть, как их одноклассника обижают другие. В них была врождённая солидарность и странное чувство коллективизма.

Поэтому Чи Ку больше не мог, как раньше, ни с кем не разговаривать, опустив глаза. Теперь он должен был здороваться, хотя бы кивком или взглядом, он больше не мог быть изгоем.

Тао Хуайнань был рад этому. Он считал, что старший брат стал более спокойным, и ему было приятно, что у Чи Ку появились друзья.

Но дружба с мальчиками — это одно.

С девочками тоже всё было в порядке. Они часто упоминали Чи Ку, и Тао Хуайнань не возражал, но только не с старостой.

<http://bllate.org/book/16228/1458210>